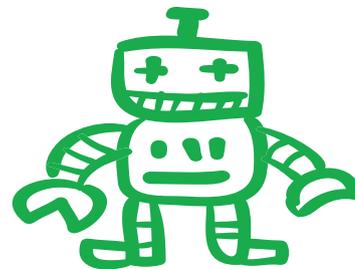

Методист в детском саду – это...

Разговор с Раисой Сергеевной Сёмовой,
методистом из Донецка

Записала
Мария Ганькина

ИГРАЮЩИЙ ТРЕНЕР

– Раиса Сергеевна, в чём, по-вашему, заключается работа методиста?

– К методисту воспитатели обычно относятся как к какой-то надстройке, мешающей им жить. Методист – это человек, который контролирует. И когда я начала работать методистом, эта функция контролирующего меня очень угнетала. Я не хотела контролировать, я хотела, чтобы мы вместе что-то делали. А для того, чтобы делать, методисту, прежде всего, нужно оставаться воспитателем. Причем воспитателем *хорошим* – чтобы всег-

да иметь возможность, когда нужно, выйти к детям и поработать с ними на глазах у всех.

Поначалу, пока в коллективе шло моё становление как методиста, спина у меня мокрая была – это точно. Мокрая хотя бы оттого, что чувствуешь ведь на себе взгляды воспитателей!

А потом с нами стал работать Евгений Евгеньевич Шулешкло (советский и российский педагог, психолог, философ, создатель педагогической практики ровеснического образования детей от 5 до 11 лет в детских садах и начальных школах, автор программы «Обновление и самообразование» и

оригинальных методик обучения чтению, письму, счёту и русскому языку – прим. ред.). Он наблюдал, затем заступал на место воспитателя, делал с ребятами что-то, воспитатель подхватывал и так далее. Вот тогда я и поняла, что методист – это что-то вроде играющего тренера.

Самым приятным для меня было то, когда воспитатели стали бегать ко мне и говорить: придите ко мне в группу.

– А когда вы, работая с детьми на месте воспитателя, задавали высокую планку, то он не говорил вам: ой, я так не смогу, у меня так не получится?

– Был такой случай. Воспитатель мне сказала: «Я пока не готова к тому, что вы показываете, поэтому вы не один раз, а несколько раз у меня поработайте». Мне пришлось в течение почти целой недели в этой группе стоять в качестве воспитателя. И ко мне уже даже закралась такая мысль: не подменяю ли я собой воспитателя?..

– А, может быть, наоборот, воспитателю важно видеть какие-то ляпы методиста? Вот ученикам полезно же видеть ляпы учителей.

– Так и получается! Я думаю, в большинстве случаев воспитатели, оценивая то, что делала я, в какой-то момент понимали, что они могут сделать лучше. Ведь я-то не знаю их детей так хорошо, как знают они!..

ПОМОЩНИК

– А в какое время вы обычно приходили в группу?

– В утренние часы я старалась бывать в младших группах, где воспитателям нужна физическая помощь. А вот уже с 9.00 до 11.00 – это время, когда я шла в какую-либо группу постарше наблюдать процесс, так сказать, учебной деятельности. Если я видела, что могу что-то полезное сделать или нужна моя помощь, или если воспитатель сам просил о помощи, тогда я подключалась, и мы вместе пытались найти решение.

Тех занятий, которые прописаны в программе (20 минут – математика, 10 минут – перерыв, потом 20 минут – рисование и так далее), у нас не было. Работа, которую мы затевали по Шулешко, иногда могла длиться час, иногда – полтора часа. Сигнал к окончанию занятий у нас был единственный: видишь, что дети начали зевать и отвлекаться, – все прекращай и веди детей на улицу.

– А чем вы были заняты днём?

– После 11 часов, когда дети выходили на прогулку, – это было моё время для осмысления наблюдений. Я усаживалась в кабинете и записывала свои впечатления. Времени на это было немного, потому что где-то в 13.30, когда приходила вторая сме-

на, воспитатели первой потихонечку собирались ко мне в кабинет, и началось главное – разговоры про детей: кто что увидел, услышал, подметил...

А после тихого часа – там я уже по потребности подключалась, в зависимости от того, кто чем сейчас живёт и что делает. Например, надо помочь детям подготовиться к завтрашнему родительскому дню. Или старшие ребята разыграли какую-то интересную сказку, и мы с ними договариваемся о том, чтобы они эту сказку показали младшим детям. Помогала с костюмами. Хотя мы всегда обходились самым минимумом: верёвочки, тряпочки, которые можно превратить во что угодно...

Вот так приблизительно проходил день.

А по вторникам собирался малый совет: воспитатели, заведующая, старшая медсестра и председатель родительского комитета. И шли обговаривания всей нашей работы, наших планов, корректировка чего-то. Конечно, в этот день немножко больше приходилось сидеть в кабинете...

– «Приходилось»? Не больно-то вы дорожили своим кабинетом. А ведь нередко методисты, в первую очередь, что делают? Гордятся кабинетом!

– И я гордилась, но не в том смысле. Обычно воспитатели обходят метод-

кабинет стороной, а у нас он стал центром общения. Народ после работы не домой шёл, а в методкабинет.

А потом вот это отношение взрослых к методкабинету как к хорошему месту передалось и детям. У нас дети могли в любое время свободно прийти в методкабинет и взять какую-то книжку. Или могли прийти и сказать: «Можно я тут посижу?».

«РАЗГОВОРНИК»

– А как складывается такая атмосфера, что дети не боятся кабинетов, воспитателей, начальства? Это легко даётся?

– Изменение отношений между детьми и взрослыми предполагает, в первую очередь, изменение отношений между взрослыми. И если не появится доверительных отношений между воспитателями, нянечками, уборщицами, заведующими, методистами, охранниками, поварами, если у них не возникнет сознание выполнения общего дела, то и дети доверять им не будут.

А когда одно дело делаешь, то тут – ни начальников, ни подчинённых, а *сотрудничающие* люди. Захожу, например, в какую-нибудь группу и вижу, что воспитательница, обычно спокойная, сегодня какая-то дёрганая. Я тогда просто говорю: «Пойди, чайку

попей, а я тут побуду». Она полчаса посидит в кабинете, чайку попьет – глядишь, и придёт в себя. А мы с ней потом обсудим, что произошло.

Доверительность там, где нет официоза, формализма. Только тогда человек сможет поделиться с другими не только какой-то профессиональной удачей, но и поражением. А без анализа открытий, ошибок, промахов не может быть роста профессионального мастерства.

Ещё одну свою задачу как методиста я вижу в том, чтобы помочь воспитателям выйти на эти разговоры об общем деле, о детях, о самих себе.

– А это трудно – разговаривать воспитателей?

– По-разному. Когда они действительно увлечены делом – то остановиться, бывало, невозможно. А иногда приходилось и провокатором быть...

Я много езжу по садам. Везде складывается по-разному. Я знаю детский сад, где коллектив был уже готов к таким отношениям. Такой маленький садик, где все друг дружку хорошо знают, многие дружат семьями, поэтому перейти на доверительные отношения им было проще простого.

А вот если это большой сад – например, 14 групп... Обычно в таких коллективах бывают два-три музыкальных руководителя. И почему-то вот так складывается: около каждого

музыкального руководителя возникает своя группа воспитателей, которые работают именно с ним. И возникает как бы противостояние между этими группировками. Какие-то такие негласные соревнования – например, кто лучше концерт организует. Естественно, что пользы детям от этого никакой.

Конечно, в таком коллективе очень сложно и трудно перейти к доверительным отношениям, и говорить, что есть какие-то рецепты, чтобы к ним перейти, будет неправдой. Рецептов нет, и у каждого коллектива, у каждого методиста будет своё и совершенно индивидуальное решение.

– А мне кажется, что «перейти к отношениям» вообще невозможно. Начнете делом заниматься – начнете разговаривать по делу. Начнете разговаривать по делу – язык начнет потихоньку другой формироваться. А тогда, глядишь, и взаимоотношения изменятся...

– Да, когда делаешь одно общее дело, и это дело увлекает и меня, и тебя, и детей, и всех окружающих, тогда получается, что не нужно друг перед дружкой выпендриваться, презентациями заниматься. Тогда и возникает доверие.